

УДК 398.21: 811.511.143

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-4-699-708

**Персонажная структура мансийского фольклора:
Пāvылъерут ‘края деревни [некое] существо’ (этнолингвистический аспект)**

Л. Н. Панченко

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
pan4enko.ludm@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ:

Введение. В традиционной культуре существует представление о существах-духах, «прикреплённых» к основному месту обитания: лесные, водные, пограничные и т. д. Они подразделяются на доброжелательных и враждебных к человеку.

В статье подвергается анализу один из персонажей мансийских сказок и быличек, который обитает на краю деревни, известный в традиционной культуре как страж, дух или «сила» деревни. Даётся описание внешнего облика рассматриваемого персонажа, анализируются его отличительные характеристики и функции, черты, обусловленные территориальными и диалектными особенностями языка.

Цель: систематизация персонажных характеристик Пāvылъерут в мансийском фольклоре на фоне этнографических реалий и выявление особенностей визуализации его образа.

Материалы исследования: базу исследования составили полевые материалы автора, а также опубликованные фольклорные произведения разных жанров с сюжетами о Пāvылъерут, словарь В. Munkácsi, В. Kálmán, диалектологический атлас обско-угорских и самодийских языков.

Результаты и научная новизна. Статья дополняет научные знания о персонажной структуре фольклора манси. Впервые анализируется образ Пāvылъерут, описывается система выполняемых им функций. Определяются сходства и различия этого существа в локальных группах манси. При исследовании характеристики персонажа помимо сведений, почерпнутых из сказок и быличек, автором были привлечены народные поверья, запреты и другие жанры устной народной традиции, существующие у манси, которые помогли определить границы и степень взаимодействия людей с Пāvылъерутом. В работу введён новый фольклорный материал, ранее нигде не опубликованный.

Ключевые слова: Пāvылъерут, персонаж, антропоморфный, невидимый, мансийская сказка, быличка

Для цитирования: Панченко Л. Н. Персонажная структура мансийского фольклора: Пāvылъерут ‘края деревни [некое] существо’ (этнолингвистический аспект) // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 4 (55). С. 699–708.

**Character structure of Mansi folklore: Pāvyljerut
‘a creature of a village’s edge’ (ethnolinguistic aspect)**

L. N. Panchenko

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
pan4enko.ludm@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: in traditional culture, there is an idea of spirit creatures “attached” to the main habitat: forest, water, border and other creatures. They are divided into benevolent and hostile to humans.

The article analyzes one of the characters of Mansi fairy tales and bailichkas, who lives on the edge of a village and is known in traditional culture as the guardian, spirit or “power” of the village. The description of the external appearance of the character is given; his distinctive characteristics and functions, features due to the territorial and dialectal features of the language are analyzed.

Objective: to systematize the personal characteristics of Pāvyljerut in Mansi folklore against the background of ethnographic realities; to identify the peculiarities of visualization of his image.

Research materials: the author’s field materials, as well as published folklore works of various genres with stories about the Pāvyljerut, the dictionary by Munkácsi B., Kálmán B., the Dialectological Atlas of the Ob-Ugric and Samoyedic languages.

Results and novelty of the research: the article complements the scientific knowledge about Mansi folklore. For the first time, the image of Pāvyljerut is analyzed and the system of his functions is described. The similarities and differences of this creature among all local groups of the Mansi people are determined. For description of the character, the author used

folk beliefs, prohibitions and other genres of oral folk tradition existing among the Mansi people, which helped to determine the boundaries and degree of interaction of people with *Pävyłjerut*. The article introduced new previously not published folklore material.

Key words: *Pävyłjerut*, character, anthropomorphic, invisible, Mansi fairy tale, *bailichka*

For citation: Panchenko L. N. Character structure of Mansi folklore: *Pävyłjerut* ‘a creature of a village’s edge’ (ethnolinguistic aspect) // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2023; 13 (4/55): 699–708.

Введение

Дом, пространство вокруг него и персонажи, населяющие эту территорию, не раз становились объектом научного исследования учёных. Монография Л. Н. Виноградовой «Русская народная демонология» посвящена народным поверьям о персонажах нечистой силы – русалках, ведьмах, домовых и т. п. Автор затрагивает проблемы, связанные с трудностями идентификации демонологических персонажей [1]. Т. Г. Голева занималась изучением демонических представлений коми-пермяков, описала типичные для коми-пермяцкого мировоззрения образы низшей мифологии [3]. В 2016 г. издано учебное пособие по славянской мифологии, один из разделов которого был посвящён персонажам дома [7]. В указателях фольклорно-мифологических мотивов и типов также нашли отражение духи и персонажи домашнего локуса [16; 17]. Круг сходных сказочных и мифологических персонажей в хантыйском фольклоре рассматривала А. А. Гриневич, в частности образ Ими Хилы. Описала данного персонажа, который фигурирует в сюжетах сказок [4, 46–55].

Настоящая статья продолжает серию работ, посвящённых систематизации представлений о мансийских фольклорных персонажах. Здесь мы рассмотрим существо, обитающее в доме или околodomном пространстве. В сказках действующим лицом выступает *Пäвыльерут* ‘края деревни [некое] существо’. В быличках этого героя мы рассматриваем как объект фольклорного произведения. Устная традиция даёт богатую характеристику персонажам, помогает увидеть причины и условия их формирования.

Исследование образа *Пäвыльерута* обусловлено рядом причин. Так, несмотря на множество работ, освещающих религиозно-мифологическую картину мира манси, данный персонаж не рассматривался как основной объект изучения этнографов и фольклористов. Номинации этого существа, зафиксированные в фольклорных текстах разных локальных групп манси, имеют фонетические

отличия. Разночтения обнаруживаются и во внешности героя.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили полевые материалы автора, собранные в 2000–2023 гг. в Берёзовском и Октябрьском районах ХМАО–Югры, сборник сказок В. С. Ивановой «*Пëс-йис сäлың маньсит мöйтаныл-потраныл*» ‘Сказания-рассказы оленных манси’ [5], а также опубликованные фольклорные произведения разных жанров, в которых одним из персонажей является *Пäвыльерут* [8], словарь Munkácsi B., Kálmán [15], диалектологический атлас обско-угорских и самодийских языков [5].

В статье используется культурно-исторический, описательный и сопоставительный методы исследования.

Результаты

Современное состояние изученности мансийского фольклора в области персонажной структуры является недостаточно представленным. Ощущается нехватка обобщающих трудов по исследованию системы образов домового и околodomного пространства.

В основу характеристики мифологического персонажа, по классификации Л. Н. Виноградовой, входят следующие элементы: названия и имена, ипостаси (если таковые имеются), социальный статус и характеристика внешнего вида, атрибуты, взаимоотношения, генезис, локусы, время активации, свойства и способности, акустические проявления, функции и предикаты [1, 60–62].

Анализ мансийских сказок и быличек показал, что одним из обитателей околodomного пространства является *Пäвыльерут*. В качестве вариантов номинаций этого персонажа служат имена: *Пäвыльерут* ‘сила деревни’, *Пäвыльерут* ‘некто края деревни’ [11, 162], *Пäвыльюрт* ‘злой дух деревни’ [ПМА 4: Бахтиярова], *Пäвыльёрт* ‘злой дух деревни’ [ПМА 4: Анямова], *Пäвыльёр* ‘тень/сила заброшенной деревни’ [6, 87], *Покащ* ‘нечисть’ [ПМА 3: Бутарина, Плеханова], *пауль-йорут* ‘деревни-существо’ [9, 112]. Все эти названия указывают

на его качественную характеристику – злобность, недружелюбность, и место его локации – территория деревни.

Информанты относят его к категории вредоносных существ, и нами обнаружен только единичный случай, когда он представлен в качестве положительного героя, так как имел статус охранника территории – *Пāvыл ер ойка* ‘дух края деревни’ [ПМА 4: Меров]. Местом его обитания была деревня Хошлог.

В фольклоре *Пāvылъерут* представляется как антропоморфное существо с гендерными различиями. В быличках «злой дух деревни» чаще невидимое существо, преимущественно мужского пола. В сказках он близок к другому отрицательному женскому персонажу *Тāнвāрунэкве* ‘Женщине, плетущей сухожильные нити’, с которой её часто путают, называя *Пāvылъёр āква* ‘тетушка Павылъёр’.

О физических характеристиках этого персонажа можно судить, исходя из анализа сказочных текстов. Она не может войти в помещение сама, стоит за порогом и просит хозяйина впустить её в дом: «*Апыгрись, āнум юв-тартэлын <...> Ави сōпла сака мāрум, āвин сака мāнь. Сōплан хот-вуйлэн, ам юв-сялтэ-гум*» [6, 86–87] ‘Внученька, меня в дом впусти <...> Дверные косяки очень тесные, дверь очень маленькая. Сними косяки, я войду’. Этот пример не только косвенно показывает на рост и телосложение *Пāvылъёр āквы*, но также говорит о том, что входная дверь для неё является непреодолимым препятствием. Учитывая тот факт, что этот персонаж является демоническим, то соответственно, дверь является для него своеобразной преградой, границей между мирами, преодолеть которую можно только при помощи человека. Отметим, что такое препятствие в виде двери характерно и для других сказочных существ (*Мēнква, Тāнвāрунэквы, Миснэ* и др.) [10].

Внешне, сказочная *Пāvылъёр āква*, возможно, не безобразна, так как она не вызывает чувство страха. Две сестры, фигурирующие в тексте сказки «*Пāvылъёр и кит āгииг урыл*» ‘Павылъёр и две девушки’ кормят, поят и оставляют ночевать её в своей избушке. Однако первая девушка относится к ней с осторожностью, ограничивает её манипуляции в доме, тогда как её сестра полностью к ней расположена, соглашается со словами и действиями тетушки *Пāvылъёр*, за что лишается своей жизни [6, 86–87].

С учётом того, что в быличках отразились народные представления, то и образ *Пāvылъерута* имеет значительные расхождения во внешности и в функциях. В текстах несказочной прозы нет чёткого и конкретного изображения героя. Иногда описывают, «как небольшое существо, похожее на человека», «только маленького роста», «ростом с собаку», как «существо, похожее на старую облезлую меховую шубу», выскочившее из сеней в одном случае, в другом варианте спрыгнувшее с чердака или как «тень, промелькнувшая в окне» или в глубине дома. Например, Н. И. Хозумову *Пāvылъерут* показался в виде тени. По его словам, он видел мелькнувшую тень, которая появилась сначала в дверях, а затем в окне. Собака, находящаяся с женщиной, тоже это заметила, стала скулить и вести себя беспокойно. Обратив внимание на поведение собаки, хозяин не стал заходить в избушку, а последовал дальше [ПМА 1: Н. Хозумов]. П. И. Хозумову, такой персонаж, часто являлся в его старом доме, в виде облезлой истлевшей старой малицы, в которой он узнал шубу деда. Преследования продолжались, до тех пор, пока очевидец не нашёл и не сжёг её [ПМА 1: П. Хозумов].

По утверждению А. А. Люцидарской, в некоторых локальных вариантах *пауль-йорут* представляется мальчиком высотой с локоток, обладающим большой силой [9, 112]. В других вариантах быличек *Пāvылъерут* чаще невидим. На присутствие этого персонажа могут указывать только звуки, издаваемые им.

Следующий признак, отличающий *Пāvылъерута* от других фольклорных персонажей – это отсутствие семьи. Тексты быличек транслируют его, главным образом, как одинокого, бессемейного персонажа. Контакт у *Пāvылъерут* с другими мифологическими персонажами не отмечено. Взаимодействует непосредственно с человеком.

Вопрос о его генезисе в сказках не отражён. Однако, при анализе текстов быличек мы выделили две версии происхождения данного существа: 1. Появляется из старых истлевших брошенных вещей; 2. Перевоплощается из душ, не упокоенных или мертворождённых детей. Например, жители п. Нижние Нарыкары говорят, что старые сгнившие вещи, бесхозно брошенные, становятся злобным существом, называемым в их регионе *Покащ*.

Переводят его как ‘нечисть’. Оно пугает людей, насылает болезни. Мифоним *покаш* имеет неясное происхождение. Если обратиться к этимологии данного слова, то в мансийском языке им характеризуют липкую, мажущуюся грязь [5]. Возможно, сходство именно в этом. В словаре Б. Мункачи и Б. Кальман слово *roåksi* переводится как «чудеса» [15, 449].

По словам информанта Т. П. Бахтияровой в быличках их региона (р. Лозьва) также встречается подобный персонаж и называют его *Пāvылюрт* ‘злой дух деревни’, но характерной особенностью является то, что в него превращаются неупокоенные или нерождённые дети. Такие души после своей смерти пугали весь род или всю деревню. Когда *Пāvылюрт* появлялся в селении, все знали, что кто-то нагрешил и умертвил своего ребёнка. Также его называли общеупотребительным словом *щерки* ‘чёрт’. Но в отличие от конкретного *Пāvылюрт* место активности чёрта шире, мог обитать везде, даже в лесу.

Упоминание о злом духе деревни имеет и в энциклопедии «Мифологии манси». А. А. Люцидарская отмечает, что одним из самых опасных существ в мансийской мифологии считается *пауль-йорут* (букв.: ‘деревни существо’), в которое превращается валяющаяся изношенная одежда и обувь, в частности женская [9, 112].

Тот факт, что демонические персонажи появляются из тлена и из душ неупокоенных или мертворождённых детей отмечено в фольклоре других народов. Например, к числу появляющихся по ночам в домашнем пространстве, по севернорусским данным, относится редко упоминаемый персонаж – игоша, – душа мертворождённого некрещёного ребёнка, которому приписываются признаки беспокойного домашнего духа, пугающего домочадцев по ночам [2, 111]. Белорусы считали, что кикиморами становятся безвременно погибшие или умершие до крещения девочки. По русским поверьям, кикиморами становятся дети, проклятые родителями ещё до их рождения или умершие до крещения [7, 148–149].

При анализе текстов быличек мы выделили, что *Пāvыльерут* обитает в старых заброшенных домах, деревнях или в стойбищах, где возможно только одно строение, за пределы которого он выйти не может. Выбирается, только в том случае, когда разорван круг,

целостность его места обитания. Тогда он начинает преследовать человека, может войти в его дом, заселиться в деревне и пугать жителей. О заселении жилого дома этим героем повествует быличка, рассказанная уроженкой п. Нижние Нарыкары Г. В. Буториной. Она утверждала, что слышала, как кто-то ходил по крыше дома, были слышны шаги, могла определить по звукам, где и в каком месте оно ходит. Появление этого существа на чердаке информант объяснила тем, что там отсутствует свет, солнечные лучи туда не попадают и поэтому там нет ему помех [ПМА 3: Буторина]. Сопоставляя вышеизложенное, напрашивается вывод, что *Пāvыльерут* боится солнечного света и время его активности – тёмное время суток.

Т. С. Мерова, рассказывая быличку об этом персонаже подтвердила, что местом обитания в доме может быть чердак, как в пустующем, так и в жилом доме. Её односельчанин, проезжая мимо деревни Пувлах, что расположена по реке Ляпин, видел, как горел свет в окне, дымилась труба, а по приезде к дому, следов пребывания людей не обнаружилось. Остановившись там на ночлег слышал, как ночью кто-то бегал по крыше [ПМА 4: Т. Мерова].

В сборнике невероятных историй и наблюдений О. А. Кошмановой, есть быличка, повествующая о таком же «чердачном» жителе. Действие происходило в п. Дальний Кондинского района. Каждую ночь хозяева дома, слышали звуки, сопровождаемые грохотом, топотом, скрипом поперечных балок. При осмотре чердака «некто» напал на хозяина, выбивая фонарь из рук. Утром при осмотре, не было обнаружено следов пребывания. После проведения обряда, звуки и грохот прекратились [8, 98].

Выбор чердака местом локации этого героя также не случаен. Согласно фольклорным традициям души умерших и другие мифологические персонажи локализуются и на чердаке, и в подполье. Как считает Т. Г. Голева «оппозиция чердака и подполья, как «верха» и «низа» мира, не всегда последовательна: их объединяют общие характеристики и сакральные функции» [3, 19], так как на чердаке обычно помещают старые ненужные вещи. К тому же крыша традиционно хоть и считается «верхом», но землю или песок для утепления дома подымали на чердак, что давало *Пāvыльерут*

еруту возможность «комфортно» чувствовать себя в чердачном помещении.

В сказках время появления этого персонажа – поздний вечер ближе к ночи: «*Агитэ, эмииг эмтыс, турманлас, ёл-хуюнкве сёпитактас. Аквмат авитэ та ратаве – акве та ёхтыс, Пāvылъёр акве*» ‘Девушка [эта], когда наступила ночь, стемнело, собралась спать. Вдруг в дверь постучали – тётка пришла, тётушка Пāvылъёр’ [6, 86–87]. На появление этого персонажа в тёмное время суток указывают и рассказы информантов. Так, в тексте былички, рассказанной Т. П. Бахтияровой, один из жителей посёлка Тресколье утверждал, что, вечером слышал звуки преследования. Другой житель этой же территории, вечером возвращаясь из леса, слышал крики.

Большинство собранных примеров указывают на время локализации персонажа – сумерки, но имеются подтверждения, которые фиксируют и другое время суток, а именно день и раннее утро, деревня на тот момент была безлюдной. Жителям деревни Хурумпaulь, расположенной на территории реки Ляпин, не раз приходилось сталкиваться с таким феноменом, как *Пāvылъерут*. По рассказу Л. Н. Карпенко возле их дома стоял старый разрушенный от времени дом. Летом ночью она видела, как в нём горел свет, «*посым пайтахтас*» ‘шёл дым из печной трубы’ и вылетали искры из трубы [ПМА 3: Карпенко]. Подобный случай рассказал и П. И. Хозумов. Только в отличие от первого рассказчика контакт с *Пāvылъерут* произошёл зимой, также в вечернее время [ПМА 1: Хозумов]. Мелькание теней в окнах, несвязное бормотание в пустующем доме проявлялись даже днём. Об этом неоднократно упоминали и другие жители этой деревни.

Стоит отметить, что в представлениях манси специально сносить старые, не жилые дома, запрещалось. Они разрушались со временем сами. Не разрешали подходить к таким домам, прикасаться к ним. Запрет был обусловлен тем, что существо, обитающее в этом помещении, не должно выйти наружу. Прикоснувшись к дому, человек разрывает замкнутость пространства, целостность места обитания, после чего *Пāvылъерут* выбирается на волю, вредит уже целой деревне, людям.

Пāvылъерут в быличках визуализируется перед человеком только в особых случаях:

когда предсказывает человеку смерть, болезнь или другое несчастье; когда не желает пустить постороннего в место своего обитания. Так, Пеликов Андрей (житель п. Тресколье) возвращался вечером домой, проходя мимо пустующей деревни *Миран Вацка пāvыла* услышал, как кто-то стал его преследовать. По приходу в свой дом, существо, ростом с собаку, вошло вместе с ним. После этого происшествия мужчина тяжело заболел и скончался. Пожилые манси сказали, что это был *Пāvылорт* с деревни *Миран Вацка*, который погнался вслед за человеком [ПМА 4: Бахтиярова]. А. В. Анямова рассказала, что вместе с мамой они собирали ягоды и задержались допоздна. Вдруг слышали страшные звуки, которые раздавались со стороны кладбища. После этого происшествия в их деревне произошёл несчастный случай [ПМА 4: Анямова].

По данным А. А. Люцидарской злое «деревенское существо» может забираться внутрь человека и грызть его, вызывая болезни. После наступления темноты *пауль-йорут* бродит по избам, стучит, но остаётся невидим для человеческого глаза. Он заставляет плакать детей и лаять собак, а в особых случаях нападает на людей [9, 112].

Информанты, описывая поведение героя акцентируют внимание на том, что он пугает, кричит по ночам, стучится в окна, заставляет плакать детей. Может наводить плохие сны. Своими действиями он, якобы, предупреждает о несчастье или сам наводит его.

Сопоставляя тексты быличек, отметим, что устойчивыми действиями персонажа являются функции предсказания, прогнозирования, наставления человеку выполнения определённых норм поведения и обычаев, охраны «своего» пространства.

При анализе текстов быличек выделили, что одним из наиболее устойчивых свойств *Пāvылъерут* – быть невидимым, второй характерной чертой является – активное звуковое поведение. Звуки всегда различны. По словам информантов, они очень странные, передать человеческим голосом невозможно. Это могут быть разные крики животных, иногда бытовые звуки (например, звон посуды, жужжание инструментов). Иногда воспроизводится смех или бормотание человека. *Пāvылъерут* может одновременно кричать в нескольких местах сразу. В быличке, рассказанной

Т. П. Бахтияровой, её тётя – А. А. Анямова, возвращаясь вечером с дочерьми из леса, слышала страшные крики и странные звуки, которые ни с чем не смогла сравнить. Женщин «*п̄лям витыл аквтуп сосыгнавёсыт*» ‘словно холодной водой облили’. Акустические проявления сопровождали их практически до самой деревни. Прекратилось только, когда они приблизились к местному кладбищу. Пожилые люди сказали потом женщинам, что это был *П̄вильюрт* [ПМА 4: Бахтиярова]. А. В. Анямова, рассказывая о контакте с существом, утверждала, что крики были настолько ужасные, что от страха они не могли двигаться в сторону деревни, их словно что-то удерживало. Ступор прошёл, только после того как мама выстрелила в сторону звуков [ПМА 4: Анямова].

В сказке «*П̄вильёр ос кит āииг урыл*» девушка, чтобы оградить себя от воздействия этого существа, подкладывает соль возле потушенного очага. Ночью тётушка Павильёр, не обнаружив девушку, подходит к чувалу и ворошит тлеющие угли. Соль, взаимодействуя с огнём, начинает стрелять и попадает в глаза. Слепленнная женщина убегает. Таким образом девушка спасается от гибели. Соль наравне с колюще-режущими предметами в культуре любого народа несёт оберегающее значение, превращается в оберег и защитное средство для борьбы с темными силами. В данной сказке соль несёт двойной охранной символ: соль как оберег и соль как оружие.

Заслуживает внимания один немаловажный эпизод в сказке. Укладываясь спать, *П̄вильёр* предлагает свою помощь в погашении очага. Девушка, отказав женщине в этой просьбе, сама управляет. Это указывает на то, что хозяйка не отдаёт «бразды правления» другому существу, а оставляет за собой, тем самым защищает свой дом от воздействия потусторонних сил. В этой сказке отразилось народное представление, запрещающее посторонним людям пользоваться чужим очагом, во избежание потери «*колың с̄от*» ‘счастье дома’.

По свидетельству информантов, в качестве апотропея в магических ритуалах манси, использовались различные предметы, отпугивающие это вредоносное существо. Так, манси с территории реки Обь, ставят у входа в жилище *курац* ‘веник’ в перевернутом положении,

закрывая таким образом вход для его проникновения, поскольку солнечный свет, *курац* являются своеобразным «пугалом» для *Покаща*. Г. В. Буторина в своей жизни столкнувшись с таким явлением, теперь никогда не занавешивает окна. Солнечный свет, по её мнению, должен осветить каждый тёмный угол в доме, так как это существо может спрятаться в тени [ПМА 3: Бутарина].

Представления людей о венике и метле как о способе устранения всякой нечисти связано вероятно с их прямыми функциями очищения. Выставленная возле дверей дома метла (иногда перевернутая прутьями вверх) во многих славянских традициях была средством защиты от вредоносных духов. Таким способом хорваты преграждали путь вештицам [14, 143], словенцы Штирии – морам [13, 245].

Следующий способ защиты – это обряд изгнания нечисти. Его неоднократно применял Н. И. Хозумов. Перед тем как войти ему в пустующую избушку брал палку и стучал по всем внешним углам дома со словами: «*Мин, кон мин, кол к̄ўсяюв ёхтыс*» ‘Уходи, на улицу уходи, хозяин дома пришёл’ [ПМА 1: Хозумов].

Ещё один из обрядов, фиксируемый в быличках и часто используемый в случае посещения заброшенных домов, стойбищ, деревень – это обряд угощения. Его проводят, чтобы расположить к себе хозяина помещения. Ставили еду, питье и приглашали полакомиться предложенной пищей. Об одном происшествии, в котором фигурировал этот обряд, рассказал житель посёлка Саранпауль П. В. Анямов: «Однажды, Загайнов поехал на рыбалку в Кемпаж. Остановился в избушке. Приготовил еду, сидит себе тихо, ест. А с другой стороны стола вдруг появилась тень какая-то, агрессивно настроенная. Он потом говорит, что как-то сразу вспомнил, что нужно поставить угощение. Так ему старики говорили. Трясущими руками налил ему стопочку, пригласил к столу, а сам то ли сознание потерял, то ли память стёрлась. Когда очнулся, то никого уже не было. С тех пор он при посещении лесной избушки, постоянно ставит угощение» [ПМА 2: Анямов].

В тексте былички, рассказанной А. В. Анямовой они спаслись, выстрелив, в сторону раздаваемых звуков. Их мама, предварительно начертила на патроне крест [ПМА 4:

Анямова]. Божественное происхождение креста как охранного символа отмечено во многих мировых религиях.

Дверь как преграда или защита от потусторонних сил, отмечена и в тексте былички, очевидцем которой стал сам автор статьи. В целях предотвращения попадания *Пāvылъерута* и других злобных существ в жилое помещение существует правило, запрещающее широко раскрывать входную дверь, не оставлять её распахнутой, которое было нарушено хозяйкой дома. В тот же вечер её ребёнок стал кричать, плакать, показывать рукой в сторону тёмного угла возле печи и при этом говорить, что в углу сидит кто-то и зовёт его. Малыш сквозь плач, обращался к невидимому существу, говорил, что не пойдёт, прогонял его. Успокоить ребёнка было сложно. Пока хозяин дома не отнёс в *Тōрум тотан* 'место хранения покровителя рода' подношение и не попросил оградить ребёнка от нечисти. Позднее, как отметил сам хозяин дома, нужно было хотя бы положить нож у порога, перед тем как открывать дверь.

По утверждению А. А. Люцидарской, чтобы предупредить появление *пауль-йорута*, старую изношенную одежду закапывали под корнями дерева, т. е. определяли в места, заведомо связанные с Нижним миром [9, 112]. Рубаху и шубу, которые носила женщина в течение двух месяцев после разрешения от бремени, полагалось натянуть на пень вдали от посёлка, а не бросать на землю [9, 112].

В мировоззрении манси старые, сломанные, отжившие свой срок вещи точно так же умирают, как люди или животные. Изношенная вещь, переставшая выполнять свою прямую функцию должна быть «захоронена» в определённом месте. О вредности старых вещей, о сюжетах, касающихся вещного содержания бытовой культуры хантов и манси, а также поверья и обычаи, регламентирующие утилизацию отдельных предметов, более подробно рассмотрено в работах В. И. Сподиной [11; 12]. Сжигать вещи запрещалось, так как существовало поверье, что, сжигая вещи человека, можешь сжечь одну из душ человека, которая обитает в них. Человек после этого может заболеть или умереть. Вещи покойного также старались не хранить, а уносили в лес. В тексте былички, рассказанной Е. Н. Анямовой, говорится как раз о такой вещи. В их доме

постоянно происходили странные явления: кто-то стучался в дверь или окна, бормотание под окнами, тени мелькающие. Так происходило до тех пор, пока женщина не обнаружила чужую обувь, которая в принципе не могла находиться у них в доме. Её она видела на покойном. После того как Евдокия Николаевна сожгла чужие туфли, явления в доме прекратились [ПМА 2: Анямова]. Обувь, как наиболее приближённая к миру мёртвых вещь особенно сильно несёт в себе негативное свойство, поэтому хранить старую обувь в жилище или в непосредственной близости от него особенно женскую равнозначно тому, что человек сам способствует появлению потусторонней сущности. Поэтому манси с особой осторожностью относились к старым вещам.

Обсуждение и заключение

Итак, состав семантических признаков, свойственный фольклорному образу, показывает достаточно цельное и полное представление о «существом края деревни». Визуальный облик фольклорного персонажа сложился из определённого набора компонентов. Это физические параметры и функции.

Выявлены следующие качественные характеристики его образа:

1) Наименование. В текстах сказок и быличек наблюдается устойчивое применение термина «дух деревни». Отмечается вариативность имён (*Пāvылёрут* 'сила деревни', *Пāvылъерут* 'некто края деревни', *Пāvылюрт* 'злой дух деревни', *Пāvылёрт* 'злой дух деревни', *Пāvылъёр* 'тень/сила заброшенной деревни', *Покащ* 'нечисть', *пауль-йорут* 'деревни-существо').

2) Внешний вид. Анализ фольклорных текстов показал, что такой персонаж, как *Пāvылъерут* антропоморфен, но имеет различие по внешним признакам. В быличках важными составляющими характеристики *Пāvылерут* становятся его способность быть невидимым. Визуализируется в виде мелькающей тени.

3) Гендерные признаки. Персонажу присуща гендерная инверсия. В быличках превалирует мужская сущность, в сказках – женская. В сказках он выступает в роли женщины, которая имеет внешние сходства с другим женским персонажем – Тāнварпёквой.

4) Взаимоотношения. Контакт у *Пāvылъерут* с другими мифологическими существами

не отмечены. Взаимодействует непосредственно с человеком.

5) Генезис. В сказках не отражён. Однако, при анализе текстов быличек, мы выделили две версии происхождения данного существа: 1. Превращается из старых истлевших брошенных вещей; 2. Перевоплощается из душ, не упокоенных или не рождённых детей.

6) Локус. Преимущественная локализация в домовом, околodomовом пространстве или в заброшенных деревнях. В доме – на крыше дома или в тёмном углу.

7) Время. Активизируется только в сумерках. Как правило это поздний вечер, ночь, иногда раннее утро. При нарушении его «пространства» проявляет себя и днём.

8) Акустическая демонстрация. Непонятные звуки, бормотание, крики, подражание работе бытовых инструментов.

9) Функции. Основная его функция, по нашему мнению, заключается в стремлении сохранить «свой» мир. Наказывал в том случае, когда люди нарушали нормы поведения: не выкидывать куда попало старые вещи, а убирать и уносить в специальное место, не нарушать целостность его места, не открывать широко дверь вечером и т.д. Каждому нарушителю его спокойствия прогнозировал будущее.

Таким образом Пáвильерут – это тот персонаж, который вошёл в сказки, былички манси и сохранил черты традиционных представлений, дополняя сведения о существах потустороннего мира, встречающихся у разных народов мира. Результаты данного исследования открывают перспективы для продолжения изучения персонажной и сюжетной структуры мансийского фольклора и сравнительно-сопоставительных исследований.

Список источников и литературы

1. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
2. Виноградова Л. Н. Русская народная демонология и её региональные особенности. Часть 1. Духи природных и домашних локусов. Персонификация смерти и болезней // Славяноведение. 2021. № 2. С. 102–114.
3. Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 217 с.
4. Гриневич А. А. Фольклорный персонаж Бабушкин Внук: спаситель по-хантыйски // Эпосоведение. 2022. № 4 (28). С. 46–55.
5. Диалектологический атлас обско-угорских и самодийских языков. URL: <https://atlas.ouipir.ru/lexema/25703> (дата обращения: 11.12.2023 г.).
6. Иванова В. С. Пёс-йис сáлың мáньсит мóйтаныл-потраныл. Сказания-рассказы оленных манси. СПб.: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 131 с.
7. Коваль В. И. Мифологические верования восточных славян: Пособие по курсу «Славянская мифология». Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. 270 с.
8. Кошманова О. А. В глубине кондинских урманов (невероятные истории и наблюдения жителей Кондинского края). Междуреченск: Междуреченская типография, 2012. 115 с.
9. Люцидарская А. А. Пауль-йорут // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. С. 112.
10. Панченко Л. Н. Система персонажей мансийских сказок и быличек в пространственной парадигме леса, реки и её отражение в национальной литературе: дисс. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2022. 268 с.
11. Сподина В. И. Вещь в традиционной культуре обских угров сквозь призму мифологемы смерти // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 158–167.
12. Сподина В. И. Вредоносные свойства вещного мира: символическое осмысление бытия // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 168–177.
13. Biegeleisen Henryk. U. Kolebki, przed oltarzem, nad mogiłą. Lwów: Graf-ika Gandalf.com.pl. 1929. 600 p.
14. Đorđević Tihomir R. Вештица и вила у нашем народном веровању и предању у Вештица и вила у нашем народном веровању и предању. Beograd: Народна библиотека Србије, 1989. 165 p.
15. Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai kiado, 1986. 950 p.
16. Simonsuuri L. Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 155 p.
17. Thompson S. Motif-index of Folk-literature. In 6 vol. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 2497 p.

Полевые материалы автора

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Хурумпауль, Берёзовский район, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, июль-август 2009 г. (информанты: Н. И. Хозумов, 1932 г. р.; П. И. Хозумов, 1952 г. р.)

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в п. Саранпауль, Берёзовский район, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, март 2015 г. (информанты: П. В. Анямов, 1957 г. р., Е. Н. Анямова, 1959 г. р.)

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в п. Нижние Нарыкары, Октябрьский район, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, август 2023 г. (информанты: Г. В. Буторина, 1952 г. р.; Л. Н. Карпенко, 1970 г. р.; К. С. Плеханова, 1955 г. р.).

ПМА 4 – Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, октябрь-ноябрь 2023 г. (информанты: В. С. Меров, 1977 г. р.; Т. С. Мерова, 1969 г. р.; Т. П. Бахтиярова, 1991 г. р.; А. В. Анямова, 1992 г. р.).

References

1. Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and mythological and ritual tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 2000. 432 p. (In Russian)
2. Vinogradova L. N. *Russkaya narodnaya demonologiya i yeye regional'nyye osobennosti. Chast' 1. Dukhi prirodnykh i domashnikh lokusov. Personifikatsiya smerti i bolezney* [Russian folk demonology and its regional features. Part 1. Spirits of natural and domestic loci. Personification of death and disease]. *Slavyanovedeniye* [Slavonic Studies], 2021, no. 2, pp. 102–114. (In Russian)
3. Goleva T. G. *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the system of worldview of the Komi-Permyak]. Saint-Petersburg: izdatel'stvo "Mamatov" Publ., 2011. 121 p. (In Russian)
4. Grinevich A. A. *Fol'klornyj personazh Babushkin Vnuk: spasitel' po-khantyyski* [Folklore character Grandmother's Grandson: savior in the Khanty language]. *Eposovedeniye* [Epos Studies], 2022, no. 4 (28), pp. 46–55. (In Russian)
5. *Dialektologicheskij atlas obsko-ugorskikh i samodiyiskikh yazykov*. Available at: <https://atlas.oupiir.ru/lexema/25703>. (accessed December 11, 2023). (In Russian, Mansi)
6. Ivanova V. S. *Pēs-jis sālyj mǎn'sit mōjtanyl-potranyl. Skazaniya-rasskazy olennyh mansi* [Tales and stories of the deer Mansi people]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2015. 131 p. (In Mansi, Russian)
7. Koval V. I. *Mifologicheskiye verovaniya vostochnykh slavyan: Posobiye po kursu "Slavyanskaya mifologiya"* [Mythological beliefs of the Eastern Slavs: Textbook on the course "Slavic mythology"]. Gomel: GGU im. F. Skaryny Publ., 2016. 270 p. (In Ukrainian)
8. Koshmanova O. A. *V glubine kondinskih urmanov (neveroyatnye istorii i nablyudeniya zhitelej Kondinskogo kraja)* [In the depth of the Konda urmans (incredible stories and observations of the residents of the Konda region)]. Mezhdurechensk: Mezhdurechenskaya tipografiya Publ., 2012. 115 p. (In Russian)
9. Lyutsidarskaya A. A. *Paul'-yorut* [Paul-Yorut]. *Mifologiya mansi* [Mythology of the Mansi people]. Novosibirsk: Izdatel'stvo arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2001. Pp. 112 (In Russian)
10. Panchenko L. N. *Sistema personazhey mansiyskikh skazok i bylichek v prostranstvennoy paradigme lesa, reki i yeyo otrazheniye v natsional'noj literature* [The system of characters of Mansi fairy tales and bailichkas in the spatial paradigm of forest, river and its reflection in national literature]. *Khanty-Mansiysk*, 2022. 268 p. (In Russian)
11. Spodina V. I. *Veshch' v traditsionnoj kul'ture obskikh ugrov skvoz' prizmu mifologemiy smerti* [Thing in the traditional culture of the Ob Ugrians through the prism of the mythology of death]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (1), pp. 158–167. (In Russian)
12. Spodina V. I. *Vredonosnye svoystva veshchnogo mira: simvolicheskoe osmyslenie bytiya* [The harmful properties of the material world: symbolic understanding of being]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 168–177. (In Russian)
13. Biegeleisen Henryk. U. *Kolebki, przed oltarzem, nad mogila*. Lwów: Graf-ika Gandalf.com.pl. 1929. 600 p. (In Polish)
14. Đorđević Tihomir R. *Вештица и вила у нашем народном веровању и предању у Вештица и вила у нашем народном веровању и предању*. Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 1989. 165 p. (In Serbian)
15. Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akademiai kiado, 1986. 950 p. (In German)
16. Simonsuuri L. *Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 155 p. (In Finnish)
17. Thompson S. *Motif-index of Folk-literature*. In 6 vol. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 2497 p. (In English)

Field materials of the author:

Field materials of the author 1 – *Ekspediciya v d. Khurumpaul', Beryozovskij rajon, Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug – Yugra, Iyul'-avgust 2009 g. (Informanty: N. I. Hozumov, 1932 g. r.; P. I. Hozumov, 1952 g. r.)* [Expedition to the village of Khurumpaul, Beryozovsky District, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, July–August 2009 (Informants: N. I. Khozumov, 1932 year of birth; P. I. Khozumov, 1952 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspediciya v p. Saranpaul', Beryozovskij rajon, Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug – Yugra, mart 2015 g. (Informanty: P. V. Anyamov, 1957 g. r.; E. N. Anyamova, 1959 g. r.)* [Expedition to the village of Saranpaul, Beryozovsky District, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, March, 2015 (Informants: P. V. Anyamov, 1957 year of birth; E. N. Anyamova, 1959 year of birth)].

Field materials of the author 3 – *Ekspediciya v p. Nizhniye Narykary, Oktyabr'skiy rayon, Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug – Yugra, avgust 2023 g. (Informanty: G. V. Butorina, 1952 g. r.; L. N. Karpenko, 1970 g. r.; K. S. Plekhanova, 1955 g. r.)* [Expedition to the village of Nizhnie Narykary, Oktyabrsky District, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, August 2023 (Informants: G. V. Butorina, 1952 year of birth; L. N. Karpenko, 1970 year of birth; K. S. Plekhanova, 1955 year of birth)].

Field materials of the author 4 – *g. Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, oktyabr'–noyabr' 2023 g. (Informanty: V. S. Merov, 1977 g. r.; T. S. Merova, 1969 g. r.; T. P. Bakhtiyarova, 1991 g. r.; A. V. Anyamova, 1992 g. r.)* [Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, October–November 2023 (Informants: V. S. Merov, 1977 year of birth; T. S. Merova, 1969 year of birth; T. P. Bakhtiyarova, 1991 year of birth; A. V. Anyamova, 1992 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панченко Людмила Николаевна, научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А), кандидат филологических наук.

pan4enko.ludm@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-3316-2914

ABOUT THE AUTHOR

Panchenko Lyudmila Nikolaevna, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A), Candidate of Philological Sciences.

pan4enko.ludm@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-3316-2914